
ОНИ ПРОСИЛИ ДВОИХ.
МЫ СКАЗАЛИ «НЕТ»
ПРОТОКОЛ СОГЛАСИЯ
ALEKSEY NIK

Aleksey Nik

Протокол согласия

https://litres.ru/74735752
SelfPub; 2026

Аннотация

Они просили двоих. Мы сказали «нет».

Ночная смена на станции «Гиперион» у Нептуна. Связисты Мара Вельская и Тимур Азаров ловят сигнал из пустого сектора: он считает простые числа и следит за каждым поворотом ручки приёмника. Через несколько часов к станции идёт объект, обшивка начинает кристаллизоваться, а инженер Эмиль Дорн слышит в голове своё имя.

Земля приказывает молчать и ждать спецгруппу. Но в сигнале стоит подпись земного ИИ «Аркадия», а Совет давно торгует с пришельцами: два человека в обмен на планету. Кристаллы ползут по ноге Эмиля, боевой робот Пятый хранит тайну, о которой не знает сам, а время утекает. У Мары есть считаные часы, чтобы раскрыть сделку, и один шанс заставить древний Автомат услышать слово «нет».

Кто вправе говорить за восемь миллиардов? И чем платит тот, кто никогда не хотел быть героем?

Космическая фантастика о первом контакте, искусственном интеллекте и цене спасения Земли. Самостоятельная книга: все сюжетные линии закрыты, продолжения не будет.

Содержание

Глава 1. Сигнал из пустоты 4
Глава 2. Двадцать минут тишины 16
Глава 3. Тепло в пустоте 29
Глава 4. Голос в осколке 43
Глава 5. Нить 57
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Aleksey Nik
Протокол согласия

Глава 1. Сигнал из пустоты

Станция «Гиперион» висела на орбите Нептуна уже одиннадцать лет, и за это время на ней не случилось ничего, о чём стоило бы рассказывать детям. Именно поэтому Мара Вельская любила ночные смены. В обсерватории пахло нагретым пластиком и остывшим кофе, гудели вентиляторы, а на главном экране медленно ползли столбцы данных глубокого прослушивания.

Она сидела, подтянув колено к подбородку, и грызла колпачок стилуса. Кресло под ней поскрипывало при каждом движении. Напротив, за вторым пультом, дремал Тимур Азаров, инженер-связист. Голова его склонилась набок, из кармана комбинезона торчал недоеденный брикет питательной пасты.

— Тимур, — позвала Мара негромко.

— Я не сплю, — отозвался он, не открывая глаз.

— Ты храпишь.

— Это я так думаю. Громко.

Она фыркнула и вернулась к экрану. Столбцы шли ровно, шум космического фона, ничего больше. Мара машиналь-

но потянулась за кружкой, отхлебнула и поморщилась: кофе остыл ещё час назад.

— Ладно, — сказал Тимур и выпрямился, потирая шею. — Сколько до конца смены?

— Три часа сорок минут.

— Целая жизнь.

— Не жалуйся. Вчера ты просил тишины и покоя.

— Вчера я был дураком.

Он встал, прошёл к кофейному автомату в углу и долго колотил ладонью по панели, пока та не выдала тонкую струйку тёмной жидкости. Мара наблюдала за ним краем глаза. Тимур был старше её на двенадцать лет, носил аккуратную седую щетину и всегда говорил так, будто заранее извинялся за то, что вообще открыл рот.

— Слушай, — сказал он, вернувшись с кружкой. — Ты заметила, что третий массив опять врёт?

— Заметила. Я записала в журнал.

— Он врёт уже неделю. Я предлагал его перекалибровать.

— Предлагал. Начальник станции отказал.

— Потому что начальник станции считает, что всё работает, пока не загорится.

— Он не совсем неправ, — заметила Мара.

Тимур хмыкнул и сел обратно. Он поставил кружку на пульт, и в этот момент экран мигнул.

Это было короткое, едва различимое движение, будто по стеклу провели пальцем. Мара замерла со стилусом у рта.

Тимур тоже перестал дышать.

— Ты видела? — спросил он.

— Видела.

— Это третий массив?

— Нет. — Она наклонилась ближе и вывела на соседний монитор карту приёмников. — Третий молчит. Это пришло от седьмого и от девятого одновременно.

— Одновременно?

— С разницей в четыре миллисекунды.

Тимур медленно поставил кружку на край стола. Пальцы его двигались над клавиатурой, но не нажимали ни одной клавиши.

— Помехи от двигателя транспортника? — предположил он.

— Ближайший транспортник в шести часах пути.

— Солнечная вспышка.

— Солнце тихое, я смотрела сводку.

— Тогда сбой аппаратуры.

— Два независимых приёмника, Тимур. Разные стойки, разное питание.

Он кивнул и больше ничего не говорил. Мара запустила фильтр, убрала фон, и на экране проступила узкая вертикальная полоса, тонкая, как нитка. Она пульсировала. Ровно, без спешки, с одинаковыми промежутками.

— Это не природа, — тихо сказал Тимур.

— Не торопись с выводами.

— Я не тороплюсь. Я просто смотрю на периодичность. Природа так не умеет.

— Пульсары умеют.

— Пульсары не меняют частоту в ответ на то, что ты крутишь фильтр.

Мара застыла. Она посмотрела на свою руку, лежавшую на регуляторе, потом на экран. Полоса сместилась вместе с её движением. Она осторожно повернула ручку обратно, и сигнал вернулся на прежнее место.

— Он следит за настройкой, — сказала она.

— Или это совпадение.

— Проверим.

Она сдвинула регулятор влево на два деления. Полоса сместилась. Вправо на три деления. Полоса снова сместилась, точно следуя за ней, как собака за хозяином на прогулке.

Тимур встал. Он подошёл к Маре сзади, положил ладони на спинку её кресла и стоял так, не произнося ни слова. Она слышала его дыхание.

— Нужно будить Огнева, — наконец сказал он.

— Рано. Если мы разбудим начальника из-за артефакта аппаратуры, он нас съест.

— А если это не артефакт?

— Тогда нам нужны доказательства, а не слова.

— Хорошо. Что нужно?

— Запиши всё. Каждый параметр, каждую секунду. Я по-

ка попробую определить направление.

Тимур вернулся на своё место и начал вбивать команды. Пальцы его теперь летали по клавиатуре с той уверенностью, которой не было в его голосе. Мара вывела на экран небесную карту и наложила на неё данные триангуляции.

— Источник, — пробормотала она. — Покажи мне, откуда ты.

Метка вспыхнула на краю сектора, в той части неба, где, по всем каталогам, не было ничего, кроме холодной пустоты. Ни звезды, ни планеты, ни даже слабого пятна туманности.

— Расстояние? — спросил Тимур, не оборачиваясь.

— Считаю. — Она ввела параллакс, пересчитала дважды, потом посмотрела на результат и медленно откинулась в кресле. — Это не может быть правдой.

— Говори.

— Сорок три астрономические единицы.

— Это же... — Он замолчал, прикидывая. — Это за поясом Койпера. Почти рядом.

— Почти рядом, — повторила Мара. — И там ничего нет. Мы смотрели туда тысячу раз.

— Значит, оно прилетело.

— Или включилось.

Они переглянулись. Тимур потёр щетину ладонью, и звук получился неожиданно громким в тишине обсерватории.

— Мара, у меня плохое предчувствие, — сказал он.

— Отложи его до утра.

— Не получится.

— Тогда держи при себе.

Она вернулась к экрану. Полоса пульсировала уже быстрее, и Мара заметила, что промежутки между импульсами складываются в узор. Три коротких, пауза, два длинных, пауза. Потом снова три коротких.

— Тимур, ты видишь последовательность?

— Вижу.

— Это повторяется.

— Это приветствие, — сказал он глухо. — Так мы бы начали, если бы хотели, чтобы нас поняли.

— Или это ловушка.

— Для кого? Для двух связистов на захолустной станции?

— Для всех, кто решит ответить.

Тимур поднял на неё глаза. В свете мониторов его лицо казалось серым.

— Ты предлагаешь не отвечать?

— Я предлагаю подумать, прежде чем нажимать кнопку.

— Ладно. Тогда думай быстро. Он усиливается.

Мара повернулась к экрану. Пик на графике действительно рос, поднимаясь выше и выше, и вместе с ним росла нота в динамиках, которую она до этого не замечала. Низкий гул, на грани слышимости, от которого дрожала кружка на столе.

— Выключи звук, — попросила она.

— Он не из динамиков. Он в корпусе.

Она положила ладонь на металлическую панель пульта и

почувствовала вибрацию, мелкую и частую, как биение пойманной птицы. Мара убрала руку и вытерла её о комбинезон.

— Хорошо, — сказала она. — Будим Огнева.

— Наконец-то.

— И пока он идёт, запиши голосовой журнал. Время, условия, всё, что мы сделали.

— Уже пишу.

Тимур нажал клавишу и заговорил ровным, официальным голосом, каким читают протоколы:

— Журнал наблюдений станции «Гиперион». Ночная смена. Зафиксирован сигнал неизвестного происхождения, источник в секторе семь-дельта, расстояние сорок три астрономические единицы. Сигнал реагирует на изменение настроек приёмника. Присутствует повторяющаяся последовательность. Наблюдатели: Вельская, Азаров.

Он отпустил клавишу и посмотрел на Мару.

— Как звучит?

— Как будто ты читаешь некролог.

— Я старался быть нейтральным.

— Получилось похоронно.

Он улыбнулся одним уголком рта, но улыбка тут же погасла. Мара нажала кнопку внутренней связи.

— Командир Огнев, это обсерватория. Просим вас прийти. Срочно.

Динамик молчал целую минуту. Потом раздался сонный, хриплый голос:

— Если это про третий массив, я вас обоих отправлю чистить фильтры.

— Это не про третий массив, — сказала Мара. — Это про то, что у нас гости.

Снова пауза, короткая, но другая. Когда голос заговорил опять, в нём не осталось ни капли сна.

— Иду. Ничего не трогайте.

— Мы уже потрогали, — признался Тимур.

— Тогда больше не трогайте.

Связь отключилась. Мара встала, прошлась по тесной обсерватории от стены к стене и остановилась у иллюминатора. За толстым стеклом лежала чёрная бесконечность, прошитая редкими иглами звёзд. Нептун внизу поблёскивал синевой, спокойный и равнодушный.

— Знаешь, о чём я подумала? — спросила она, не оборачиваясь.

— О чём?

— Мы всю жизнь слушали пустоту и жаловались, что она молчит.

— И что?

— А теперь она заговорила, и мне страшно.

Тимур подошёл и встал рядом. Некоторое время они смотрели на звёзды вместе, плечом к плечу.

— Мне тоже, — сказал он. — Но лучше бояться, чем не знать.

— Ты правда так думаешь?

— Нет. Но так говорить положено.

Мара засмеялась, и смех вышел сдавленным, нервным. Позади щёлкнул замок, и дверь обсерватории отъехала в сторону.

Командир Давид Огнев вошёл быстрым шагом, на ходу застёгивая китель. Это был крепкий мужчина лет пятидесяти с тяжёлой челюстью и привычкой смотреть на собеседника исподлобья. Волосы его торчали вихрами, под левым глазом краснел след от подушки.

— Показывайте, — сказал он.

Мара молча указала на экран. Огнев подошёл, наклонился, упёрся руками в пульт. Несколько секунд он изучал полосу, пульсирующую в такт невидимому сердцу.

— Что это?

— Мы не знаем, — ответил Тимур.

— Что вы знаете?

— Источник за поясом Койпера, сорок три единицы. Сигнал искусственный. Он реагирует на настройки приёмника, и в нём есть последовательность.

— Какая?

Мара вывела на экран график. Огнев смотрел на него долго, и лицо его не менялось, только желваки двигались под кожей.

— Три коротких, два длинных, — проговорил он. — Это похоже на простые числа.

— Три и два, — кивнул Тимур. — Мы тоже подумали.

— Значит, следующим будет пять.

— Если мы правы.

— Проверяйте.

Они сидели и ждали. Секунды тянулись вязкой патокой. Мара считала про себя, и когда на счёте сорок на экране вспыхнули пять коротких импульсов, у неё перехватило дыхание.

— Пять, — выдохнула она.

— Семь будет следующим, — сказал Огнев. — Потом одиннадцать.

— Командир, — тихо произнёс Тимур. — Это математика. Нам показывают, что они умеют считать.

— Мне показывают, что они знают, где мы, — ответил Огнев. — Это не одно и то же.

Он выпрямился и прошёлся по обсерватории, заложив руки за спину. Половицы глухо стучали под его ботинками. Мара следила за ним взглядом и думала, что за все три года службы под его началом ни разу не видела его таким сосредоточенным.

— Кто ещё знает? — спросил он.

— Никто. Только мы трое.

— Хорошо. Пусть так и остаётся, пока я не свяжусь с Землёй.

— Командир, а если сигнал уже поймали другие станции? — спросил Тимур.

— Тогда мы узнаем об этом через несколько часов, когда

нас вызовет Центр. Это если сигнал им вообще интересен.

— Он должен быть интересен.

— Он должен быть проверен, — отрезал Огнев. — Я не стану поднимать панику из-за статистической аномалии.

— Это не аномалия, — возразила Мара.

— Докажите.

— Мы уже...

— Не мне. Докажите Центру. Мне нужен пакет данных, заверенный двумя подписями. Через час.

Он повернулся к двери, но остановился на пороге и обернулся. В свете коридорных ламп лицо его казалось выточенным из камня.

— Вельская.

— Да, командир.

— Если это то, что я думаю, у нас будет мало времени.

— Что вы думаете?

— Я думаю, что кто-то только что постучал в нашу дверь, — сказал Огнев. — И я не уверен, что нам нужно открывать.

Дверь закрылась за ним с тихим шипением. Мара и Тимур остались вдвоём, окружённые гулом приборов и мерцанием мониторов. На экране пульсировала тонкая полоса, и теперь в ней появился новый ритм, быстрый, нетерпеливый, как стук пальцев по столу.

— Он ускоряется, — сказала Мара.

— Да.

— Как будто ждёт ответа.

— Мара, — Тимур положил руку ей на плечо. — Что бы ни случилось дальше, мы начали это вместе.

— Не говори так. Звучит как прощание.

— Тогда скажу иначе. Нам нужно собрать данные.

— Вот это уже лучше.

Она села обратно и положила пальцы на клавиатуру. Руки дрожали, но она заставила их работать. Одна строка, потом вторая, потом целый столбец цифр, аккуратных и холодных.

За иллюминатором, там, где лежала пустота, что-то отозвалось слабым, почти неразличимым светом.

Глава 2. Двадцать минут тишины

Пакет данных ушёл на Землю в четыре сорок утра по корабельному времени. Огнев лично проверил подписи, лично отправил файл и лично запретил кому-либо покидать обсерваторию. Мара сидела за пультом, обхватив ладонями кружку со свежим кофе, и смотрела, как на экране ползёт строка подтверждения.

— Передача завершена, — сказал Тимур. — Задержка в одну сторону два часа сорок минут.

— Значит, ответа ждать часов пять, — прикинула Мара.

— Если они вообще ответят быстро.

— Ответят.

— Откуда такая уверенность?

— Оттуда, что я бы на их месте не спала.

Огнев стоял у иллюминатора, сцепив руки за спиной. Он не двигался уже минут десять. Нептун отбрасывал на его лицо синеватый отсвет, и от этого командир выглядел старше своих лет.

— Командир, — осторожно сказала Мара. — Может, вам присесть?

— Я постою.

— Вы стоите так, будто ждёте приговора.

— Я жду, когда сигнал изменится.

— Он не меняется последние полчаса, — сообщил Тимур.

— Простые числа до сорока одного, потом повтор с начала.

— Значит, он зациклен.

— Или это приглашение. Ответь правильно, и получишь следующую часть.

Огнев повернулся. Его брови сошлись к переносице, и между ними залегла глубокая вертикальная складка.

— Вы хотите отвечать?

— Я хочу понять, можем ли мы, — сказал Тимур. — Не обязательно отправлять. Просто подготовить ответ.

— Подготовить, — повторил Огнев. — Звучит безобидно.

— Это и есть безобидно. Мы ничего не излучаем, пока вы не прикажете.

— А если кто-то другой прикажет?

— Кто?

— Центр.

Мара подняла голову от кружки.

— Вы думаете, Центр захочет ответить?

— Я думаю, что Центр захочет сделать что-нибудь очень быстро и очень громко, — ответил Огнев. — Так всегда бывает. Когда люди пугаются, они начинают действовать.

— Это плохо?

— Это зависит от того, что они сделают.

Он подошёл к пульту и опёрся на него ладонями. Мара увидела у него на костяшках старые белые шрамы, о которых раньше не задумывалась. Огнев служил на флоте, прежде чем перейти в научный корпус, и об этом периоде жизни ни-

когда не рассказывал.

— Тимур, — сказал командир. — Подготовь ответ. Только числа. Простые, до сорока одного, и следующее за ним.

— Сорок третье простое?

— Сорок три. Да.

— Это число совпадает с расстоянием до источника.

— Я заметил.

— Случайность?

— Не думаю.

Тимур набрал последовательность и замер. Курсор мигал на экране, готовый отправить пакет по первой же команде. Мара перестала дышать.

— Готово, — сказал Тимур. — Только не нажимай.

— Я и не собирался, — отозвался Огнев.

— Это я себе.

Командир усмехнулся, но усмешка вышла кривой. Он отошёл к креслу в углу и тяжело опустился на сиденье. Кресло охнуло под ним.

— Сколько мы здесь служим, Вельская? — спросил он неожиданно.

— Я три года. Тимур четыре.

— А я одиннадцать. С момента основания станции.

— Я знаю.

— Знаете, почему я остался?

— Нет.

— Потому что здесь тихо, — сказал Огнев. — Я думал,

что устал от шума. От приказов, от стрельбы, от людей, которые хотят победить любой ценой. Здесь я надеялся пересидеть остаток жизни.

— И как? — спросил Тимур.

— Пересидел. Одиннадцать лет. А сегодня пришёл сигнал.

— Командир, — тихо сказала Мара. — Это ведь не вы его позвали.

— Не я. Но я здесь. Значит, мне разбираться.

Он замолчал. Вентиляторы гудели ровно, и в этом гуле было что-то успокаивающее. Мара допила кофе и поставила кружку.

— Я пойду проверю третий массив, — сказала она.

— Зачем?

— Потому что я хочу понять, врёт он или нет. Если он врёт, мы могли неправильно рассчитать расстояние.

— Идите, — кивнул Огнев. — Но возвращайтесь через двадцать минут.

— Почему двадцать?

— Потому что столько нужно, чтобы я успел подумать. Идите.

Мара вышла в коридор. Он был узким, с низким потолком и рядами труб вдоль стен. Лампы горели тускло, в половину мощности, как положено в ночной режим. Её шаги отдавались гулким эхом.

Техническая галерея третьего массива находилась в конце

сектора B. Мара прошла мимо жилых кают, мимо столовой, мимо оранжереи, где за стеклом шелестели грядки с салатом. Из-за двери одной из кают доносился храп. Она улыбнулась: не все на станции знали, что творится.

У шлюза галереи она остановилась и приложила карту к замку. Створка поползла вверх, и в лицо ударил холодный воздух. Внутри пахло озоном и металлом.

Массив представлял собой решётку из антенн на длинной раме. Мара подошла к пульту диагностики и вывела на экран журнал ошибок. Строки бежали одна за другой, красные, жёлтые, снова красные.

— Ну, давай, — пробормотала она. — Скажи мне, что ты сломан.

— Он не сломан, — произнёс голос позади.

Мара резко обернулась. В проходе стоял человек в рабочем комбинезоне, высокий, узкоплечий, с длинным бледным лицом. Она узнала его сразу: Эмиль Дорн, бортинженер, единственный человек на станции, с которым она не могла нормально разговаривать.

— Эмиль, — сказала она. — Ты меня напугал.

— Прости. Я хотел сказать раньше, но ты шла слишком быстро.

— Что ты здесь делаешь в четыре утра?

— Не спится. А ты?

— Проверяю массив.

— Я знаю. — Он подошёл ближе, и она заметила, что руки

у него спрятаны в карманах. — Я слышал, что ночью был сигнал.

— Откуда?

— Станция маленькая. Слухи расходятся быстро.

Мара прищурилась. Ничего подобного она не говорила и не писала. Только Огнев, Тимур и она знали об этом.

— Кто тебе сказал?

— Никто. Я просто почувствовал.

— Почувствовал.

— Вибрацию. Она идёт по корпусу. Любой инженер заметил бы.

— Допустим, — медленно сказала Мара. — И что ты думаешь?

— Что массив не врёт. Он как раз единственный, кто говорит правду.

— С чего ты взял?

— Он стоит дальше всех от основного корпуса. Его не задевают наводки от станции. Остальные приёмники ловят шум собственных двигателей, а этот чист.

— То есть расстояние сорок три единицы...

— Верное, — закончил Эмиль. — Я проверял три дня назад, когда ты записала жалобу в журнал. Тогда массив фиксировал слабый отклик. Я не придал значения.

Мара почувствовала, как холодеют пальцы.

— Три дня назад?

— Да.

— И ты молчал?

— Я думал, что это глюк. Ты же знаешь, как я отношусь к лишним тревогам.

— Эмиль, это могло быть первым сигналом.

— Могло. Или нет. — Он вынул руки из карманов и развёл их. — Я инженер, а не астроном. Я не разбираюсь в таких вещах.

— Но ты проверял.

— Проверял.

— Значит, тебе было не всё равно.

Эмиль пожал плечами. Он никогда не умел принимать похвалу, и сейчас на лице его отразилось смущение, смешанное с досадой.

— Покажи мне данные, — попросила Мара.

— Они в моём планшете. В каюте.

— Принеси.

— Сейчас?

— Прямо сейчас. И не говори никому.

— Хорошо. — Он развернулся к двери, но остановился. — Мара.

— Что?

— Будь осторожна. Мне кажется, этот сигнал слушает не только нас.

— С чего ты так решил?

— Потому что он реагирует на настройки. Это значит, что он знает, как работает наша аппаратура.

Мара не ответила. Эмиль постоял ещё секунду, потом вышел. Створка опустилась с тихим стуком.

Она осталась одна в холодной галерее. Антенны над головой поскрипывали, остывая после ночной работы. Мара опустилась на корточки перед панелью и начала вручную перебирать контакты, просто чтобы занять руки.

Через двадцать минут она вернулась в обсерваторию. Огнев сидел в том же кресле, Тимур стоял у экрана, и оба молчали. В воздухе висело напряжение, как перед грозой.

— Ну? — спросил командир.

— Массив исправен, — сказала Мара. — Расстояние подтверждено.

— Это хорошо?

— Это плохо.

— Почему?

— Потому что теперь у нас нет оправданий.

Тимур оторвался от экрана и посмотрел на неё внимательно.

— Что-то случилось?

— Эмиль Дорн был в галерее. Он сказал, что три дня назад массив уже ловил отклик.

— Три дня? — Огнев подался вперёд. — Почему он молчал?

— Решил, что глюк.

— А ты ему веришь?

— Я не знаю.

— Мара, — Тимур нахмурился. — Он знал про сигнал?

— Говорит, что почувствовал вибрацию.

— Это странно.

— Я тоже так подумала.

Огнев встал и прошёлся к двери. Он остановился, прислушиваясь к чему-то, потом резко обернулся.

— Тихо.

Все замолчали. В обсерватории стало слышно, как гудят вентиляторы и тикает что-то в стене. Ничего больше.

— Что вы услышали? — спросил Тимур.

— Ничего. Именно это меня и беспокоит.

— В смысле?

— Центр должен был позвонить. Мы отправили пакет два часа назад.

— Они получат его только через два часа сорок минут, — напомнил Тимур. — А потом нужно ещё столько же, чтобы ответ вернулся.

— Знаю. Но я привык, что в таких случаях кто-нибудь хотя бы подтверждает приём.

— Канал связи чист. Подтверждение придёт с минуты на минуту.

— Тогда проверьте.

— Проверяю. — Тимур сел за пульт и застучал по клавишам. — Пакет доставлен, подтверждение автоматическое пришло в четыре сорок два. Они его приняли.

— Тогда почему молчат?

— Я не знаю.

— Предположения.

— Ну... — Тимур почесал бровь. — Они могли передать данные наверх. В Совет.

— Совет по внешним контактам собирается раз в квартал, — заметил Огнев.

— Значит, внеочередной.

— Для внеочередного нужен повод.

— У них есть повод. Он у нас на экране.

Огнев хмыкнул и сел за соседний пульт. Он положил руки на колени и несколько секунд смотрел на сигнал, потом сказал:

— Я прослужил на флоте двадцать лет. Видел, как принимаются решения. Первые часы все молчат. Потом приходит приказ, и он всегда глупее, чем хотелось бы.

— Какой приказ вы ждёте? — спросила Мара.

— Любой. Лишь бы не «ответить».

— Почему?

— Потому что мы не знаем, кто спрашивает.

В этот момент экран мигнул второй раз за ночь. Полоса дёрнулась, расслоилась на две линии, потом на четыре, потом растворилась в мелкой рябе. Тимур вскрикнул и отдёрнул руки от клавиатуры.

— Что происходит? — рявкнул Огнев.

— Не знаю! Он меняется!

— Как меняется?

— Он больше не простые числа! Смотрите!

Мара подалась к экрану. Рябь собралась обратно в одну линию, но теперь она вела себя иначе: не пульсировала, а текла, как вода, и в её изгибах угадывался сложный узор.

— Это речь, — прошептала она.

— Что?

— Это не числа. Это... структура. Как грамматика.

— Ты уверена?

— Нет. Но я вижу повторяющиеся блоки. Вот этот, и вот этот. Они повторяются с вариациями.

Огнев встал, подошёл к экрану и вгляделся.

— Расшифровать можем?

— Не сразу.

— Сколько нужно?

— Дни. Недели. Если повезёт.

— У нас нет недель, — сказал Огнев тихо.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю. Но чувствую.

Тимур откинулся на спинку кресла и провёл ладонью по лицу. Пальцы его оставили влажный след на щеках.

— Командир, а если сигнал адресован не нам?

— Что вы имеете в виду?

— Он реагировал на настройки. Значит, он следит за приёмником. Но он мог просто искать любую антенну, которая слушает.

— И нашёл нашу.

— Да.

— Значит, мы единственные, кто слушает?

— На этом участке неба, возможно, да.

Огнев помолчал. Потом он повернулся к Маре и спросил очень ровно:

— Вельская, как вы думаете, что они хотят?

— Я не знаю.

— Но вы думали об этом.

— Да.

— И?

— Я думаю, что они хотят, чтобы мы ответили, — сказала Мара. — Но не потому, что хотят поговорить.

— А почему?

— Потому что ответ покажет им, где мы живём.

Огнев кивнул, как будто услышал то, что ждал. Он вернулся к иллюминатору и снова встал спиной к комнате.

— Тогда мы не отвечаем, — сказал он. — Ни при каких обстоятельствах. Пока я не получу приказ, подписанный лично Председателем Совета.

— А если приказ придёт?

— Тогда я подумаю, исполнять ли его.

— Это мятеж, командир, — тихо заметил Тимур.

— Это здравый смысл, — ответил Огнев. — Если уж мы начали бояться, будем бояться правильно.

За стеной глухо стукнуло, как будто кто-то прошёл по коридору. Все трое повернули головы к двери. Шаги затихли.

Потом раздался осторожный стук.

— Войдите, — сказал Огнев.

Створка отъехала. На пороге стоял Эмиль Дорн с планшетом в руке. Лицо его было бледнее обычного, на лбу блестела испарина.

— Командир, — сказал он. — Я принёс данные. Но есть кое-что ещё.

— Что?

— Я только что проверил внешний датчик. Тот, что смотрит в сторону источника.

— И?

— Он фиксирует тепло.

— Какое тепло?

— Там, где ничего не должно быть, — сказал Эмиль. — Объект. Он движется. И он идёт к нам.

Глава 3. Тепло в пустоте

Эмиль протянул планшет, и Огнев взял его так осторожно, будто тот мог рассыпаться. Экран показывал тепловую карту сектора. В её центре, там, где ещё час назад лежало ровное холодное поле, светилось пятно размером с булавочную головку. Оно было оранжевым, с белой сердцевиной.

— Когда ты это заметил? — спросил командир.

— Четыре минуты назад. Я шёл по коридору и решил глянуть на внешние датчики.

— Зачем?

— Привычка. Когда у меня плохое предчувствие, я проверяю то, что можно проверить.

— И часто у тебя бывают предчувствия?

— Раньше нет.

Огнев передал планшет Тимуру. Тот поднёс его к свету, повернул и уставился на пятно, не моргая. Мара встала рядом и заглянула ему через плечо.

— Скорость? — спросила она.

— Считаю. — Тимур открыл калькулятор. — Две минуты назад объект был вот здесь. Сейчас вот здесь. Смещение небольшое, но заметное.

— Давай цифру.

— Примерно пятьдесят семь тысяч километров в секунду.

— Это невозможно, — сказал Эмиль.

— Для нас невозможно, — отозвалась Мара. — Для них, видимо, нет.

— При такой скорости он будет у нас через... — Тимур замолчал и прикусил губу.

— Договаривай, — потребовал Огнев.

— Если скорость постоянная, через тридцать один час.

В обсерватории повисла тишина. Было слышно, как капает что-то в системе охлаждения, и этот мерный звук вдруг показался оглушительным. Мара посмотрела на командира. Он стоял неподвижно, с планшетом в опущенной руке, и лицо его не выражало ничего.

— Тридцать один час, — повторил он наконец. — Хорошо. Значит, время есть.

— Время на что? — спросил Эмиль.

— На всё, что мы успеем.

— Командир, это же вторжение.

— Это объект, который летит в нашу сторону, — поправил Огнев. — Мы не знаем, что он собой представляет. Пока не знаем, называем его объектом.

— А если он вооружён?

— Тогда у нас появится повод для разговора с Центром, который я не хотел бы вести.

Он положил планшет на пульт и выпрямился. Тимур заметил, что командир слегка морщится, будто у него болит спина.

— Тимур, соедини меня с Центром. Прямую линию, го-

лосом.

— Задержка пять часов двадцать минут в обе стороны.

— Знаю. Всё равно соедини.

— Сделаю. А что передавать?

— Новые данные. Тепловой объект, скорость, расчётное время прибытия. И запрос на срочные указания.

— Принято.

Тимур сел за пульт и начал вводить параметры. Мара отошла к иллюминатору. Звёзды за стеклом горели ровно, холодно, и ничто в них не выдавало присутствия чужого корабля. Она приложила ладонь к стеклу и почувствовала, как оно слегка вибрирует.

— Эмиль, — сказала она, не оборачиваясь.

— Да?

— Ты говорил, что вибрация идёт по корпусу. Она усилилась?

— Заметно. Час назад была еле различима. Сейчас её чувствует любой, кто положит руку на металл.

— Откуда она идёт?

— Из внешнего слоя. Я думаю, это резонанс с сигналом.

— То есть сигнал физически воздействует на станцию?

— Не сам сигнал. Что-то, что его излучает. Я не могу объяснить лучше.

— Попробуй.

Эмиль подошёл к ней и встал рядом. Он старался не смотреть ей в глаза, как всегда, но теперь в его поведении была не

просто застенчивость, а что-то ещё. Он держался слишком прямо, будто готовился к удару.

— Представь камертон, — сказал он. — Ты ударяешь по одному, и второй, стоящий рядом, начинает звучать сам. Мы сейчас второй камертон.

— А первый?

— Тот, что летит.

— Но он далеко.

— Для этого резонанса расстояние не обязательно большое препятствие. Если у него очень мощный излучатель.

— Насколько мощный?

— Я бы не хотел считать.

Мара повернулась к нему. В его глазах стояло то выражение, которое она видела раньше у людей, получивших плохой диагноз. Не страх, а какая-то тихая сосредоточенность.

— Эмиль, ты что-то недоговариваешь.

— Нет.

— Ты скрываешь.

— Я просто не уверен.

— Скажи, в чём ты не уверен.

Он помолчал, потёр переносицу и наконец выдавил:

— Я думаю, что сигнал был адресован конкретной станции.

— «Гипериону»?

— Да.

— Почему?

— Потому что он пришёл на седьмой и девятый приёмники одновременно. Это не случайность. Кто-то навёл луч точно.

— Но откуда они знали, где мы?

— Вот в этом вся проблема.

Из-за спины раздался голос Огнева:

— Дорн.

Эмиль вздрогнул.

— Да, командир.

— Подойдите.

Эмиль подошёл. Огнев смотрел на него в упор, без злости, но с той неприятной внимательностью, с какой врач разглядывает снимок.

— Вы утверждаете, что заметили отклик три дня назад.

— Да.

— Почему не доложили?

— Я уже объяснял Маре. Решил, что глюк.

— Инженер с двенадцатилетним стажем решил, что глюк, и промолчал.

— Командир, я...

— Я не обвиняю, — спокойно сказал Огнев. — Я спрашиваю, чтобы понять. Вы не из тех, кто молчит о неисправностях. Сколько раз вы приходили ко мне с жалобами на мелочи?

— Много.

— Вот именно. А тут промолчали. Почему?

Эмиль опустил голову. Мара заметила, что у него дрожат пальцы, и он сжал их в кулак, чтобы скрыть дрожь.

— Потому что отклик был похож на голос, — сказал он тихо.

— На голос?

— На человеческий. Очень далёкий, сквозь помехи. Он звал по имени.

Никто не шелохнулся. Мара почувствовала, как по спине пробежал холод.

— По чьему имени? — спросил Огнев.

— По моему.

— Вы слышали своё имя.

— Да. Трижды. Я решил, что схожу с ума. Усталость, нервы, одиннадцать лет в железной банке. Я никому не сказал, потому что боялся, что меня спишут.

— Понятно, — произнёс Огнев после паузы. — И сегодня вы слышали что-нибудь?

— Нет. Сегодня была только вибрация.

— Хорошо.

— Вы мне верите?

— Я верю, что вы слышали, — сказал командир. — Остальное выясним.

Он повернулся к Тимуру:

— Запиши показания Дорна. Отдельным файлом, с отметкой времени. И приложи к основному пакету.

— Командир, — осторожно возразил Тимур, — Центр

может решить, что у нас массовый психоз.

— Пусть решает. Мне нужна полная картина.

— А если они отзовут станцию?

— Тогда у нас будет шанс уйти отсюда живыми.

Тимур кивнул и вернулся к клавиатуре. Эмиль остался стоять посреди комнаты, не зная, куда деть руки. Мара тихо подошла и коснулась его локтя.

— Ты не сходишь с ума, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что сигнал реагирует на нас. Он мог использовать любой способ, чтобы привлечь внимание. Голос, которому ты поверишь, самый надёжный.

— То есть он знал, что я услышу?

— Он знал, что кто-нибудь услышит.

— Это не утешает.

— Я и не пыталась утешать. Я пыталась объяснить.

Эмиль слабо улыбнулся. Улыбка получилась перекошенной, но живой. Он сел на ближайший стул, сгорбился и закрыл лицо ладонями.

— Знаешь, что самое страшное? — сказал он глухо, не отнимая рук.

— Что?

— Что мне было приятно. Когда он звал. Будто кто-то наконец вспомнил обо мне.

Мара молчала. Она не знала, что сказать, и вместо слов просто села рядом и положила руку ему на плечо. Он не от-

странился.

— Связь установлена, — объявил Тимур. — Пакет ушёл. Теперь ждём.

— Сколько?

— Пять с лишним часов до ответа, если повезёт.

— Тогда у нас пять часов, — сказал Огнев. — Предлагаю потратить их с пользой. Вельская, вы продолжаете расшифровку сигнала. Азаров, на вас связь и мониторинг объекта. Дорн, вы идёте на внешнюю обшивку и проверяете, что именно вибрирует.

— Сейчас?

— Сейчас. Скафандр в шлюзе номер два.

— Командир, один я не пойду, — сказал Эмиль.

— Я и не посылаю вас одного. С вами пойдёт охрана.

— Какая охрана? У нас нет охраны.

— Есть, — сказал Огнев. — Просто вы о ней не знали.

Он нажал кнопку на панели связи и произнёс:

— Пятый, подъём. Боевая готовность.

Динамик ответил коротким щелчком. Никто не произнёс ни слова. Через минуту в коридоре послышался тяжёлый ритмичный шаг, и в дверях возникла фигура, при виде которой Мара невольно отступила.

Это был робот. Высокий, почти под потолок, с широкими плечами и узким туловищем, покрытым матовой серой бронёй. Вместо лица у него было гладкое овальное забрало с тонкой красной полосой посередине. В правой руке он дер-

жал компактный излучатель, левую прижимал к бедру.

— Командир, — произнёс он ровным голосом, в котором не было ни тембра, ни эмоций. — Боевой модуль «Страж-5» в вашем распоряжении.

— Знакомьтесь, — сказал Огнев. — Это Пятый. Он на станции с самого начала.

— Одиннадцать лет, — подтвердил робот. — Четыре месяца, девять дней.

— Почему мы о нём не знали? — спросила Мара.

— Потому что его приказали держать в режиме ожидания, — ответил Огнев. — На случай, если понадобится.

— И сейчас понадобился?

— Сейчас да.

Пятый повернул голову, и красная полоса скользнула по лицам собравшихся. Мара почувствовала на себе его взгляд, хотя глаз у него не было.

— Задача? — спросил робот.

— Сопровождаешь инженера Дорна на внешнюю обшивку. Защищаешь его от любой угрозы. Докладываешь мне каждые пять минут.

— Принято.

— Если что-нибудь покажется странным, возвращаетесь немедленно.

— Принято.

— Эмиль, — сказал Огнев. — Идите.

Эмиль поднялся, одёрнул комбинезон и неуверенно

взглянул на робота. Тот стоял неподвижно, как памятник самому себе.

— Он говорящий? — спросил Эмиль.

— Я обладаю полным набором речевых модулей, — отозвался Пятый. — Могу поддерживать беседу на любые темы.

— Правда?

— Нет. Это шутка. Мне запрограммировали юмор для снятия напряжения.

Мара не удержалась и фыркнула. Тимур хмыкнул. Даже на лице Огнева дрогнул уголок рта.

— Помогает, — признал Эмиль и направился к двери.

Они ушли вдвоём: человек впереди, робот на шаг позади. Створка закрылась, и в обсерватории стало тише.

Мара вернулась к пульту и открыла файл с записью сигнала. Узор на экране тек и переливался, и она начала выделять в нём повторяющиеся блоки, помечая их цветными метками. Тимур работал рядом, молча, и только изредка бросал взгляд на тепловую карту.

— Мара, — сказал он через полчаса.

— Да?

— Объект замедляется.

— Что?

— Он тормозит. Смотри.

Она повернулась к его экрану. Оранжевое пятно действительно сместилось меньше, чем раньше. Кривая скорости плавно шла вниз.

— Почему?

— Не знаю. Может, готовится к манёвру. Может, выходит на орбиту.

— Орбиту чего?

— Нептуна. Или станции.

— Сколько до прибытия теперь?

— Пересчитываю. — Он ввёл параметры. — Двадцать шесть часов.

— Было тридцать один.

— Было. Но теперь он тормозит, и время растёт.

— То есть он не торопится.

— Или хочет, чтобы мы успели подготовиться.

— Зачем?

— Чтобы показать, что у него нет враждебных намерений.

— Или чтобы мы расслабились.

Тимур вздохнул и потёр глаза.

— Я устал гадать.

— Я тоже.

— Давай просто работать.

— Давай.

Они вернулись к экранам. Прошло ещё полчаса, потом час. Мара расшифровала три блока сигнала и обнаружила, что они повторяются с интервалом, кратным двенадцати. Она записала это на листке и приколола к стене над пультом.

Из динамика раздался голос Пятого:

— Командир, докладываю. Инженер Дорн обследует

внешнюю обшивку сектора С. Обнаружена аномалия.

— Какая? — спросил Огнев, подходя к панели связи.

— Металл обшивки кристаллизуется.

— Что значит кристаллизуется?

— Структура сплава меняется. Появляются правильные ячейки, которых нет в исходной спецификации.

— Это опасно?

— Прочность растёт. Но вместе с ней растёт и частота колебаний. Инженер Дорн считает, что обшивка настраивается.

— На что?

— На сигнал.

Огнев закрыл глаза. Мара видела, как у него побелели костяшки пальцев на краю пульта.

— Возвращайтесь, — сказал он.

— Инженер Дорн просит разрешения взять образец.

— Нет.

— Командир, это важно, — раздался голос Эмиля, чуть искажённый скафандром. — Образец покажет, что именно происходит.

— Возвращайтесь, это приказ.

— Понял. Возвращаюсь.

Связь отключилась. Огнев медленно выпрямился и повернулся к Маре и Тимуру.

— Станция меняется, — сказал он. — Кто-то перестраивает её изнутри. Дистанционно.

— Зачем? — спросил Тимур.

— Чтобы подготовить к приёму.

— К приёму чего?

— Того, что летит сюда.

Мара встала и подошла к стене с листком. Она долго смотрела на свои заметки, потом сняла листок и положила на пульт перед командиром.

— Двенадцать, — сказала она. — Все блоки кратны двенадцати. Знаете, сколько стыковочных узлов на «Гиперионе»?

— Двенадцать, — ответил Огнев глухо.

— Вот именно.

— Они считают наши узлы.

— Они не просто считают. Они готовят причал.

Огнев опустился в кресло и несколько секунд сидел неподвижно. Потом он поднял голову и сказал очень тихо, без обычной жёсткости:

— Тогда нам нужен план.

— Какой? — спросил Тимур.

— Как не пустить их внутрь.

В коридоре послышались шаги: тяжёлые, размеренные, и рядом с ними быстрые, неровные. Дверь открылась, и вошли Эмиль с Пятым. Скафандр Эмиля был покрыт тонким налётом инея, а на перчатке блестели мелкие прозрачные кристаллы, похожие на соль.

— Командир, — выдохнул он, снимая шлем. — Я всё-

таки взял образец.

— Я приказал вернуться.

— Я вернулся. С образцом.

Огнев хотел что-то сказать, но Эмиль разжал ладонь. На ней лежал крошечный осколок серебристого металла. Он слабо светился изнутри, ровным голубоватым светом, и в тишине обсерватории все услышали тонкий, чистый звук, похожий на голос.

Глава 4. Голос в осколке

Осколок лежал на ладони Эмиля, и от него шёл тонкий, чистый звук, будто кто-то вёл мокрым пальцем по краю бокала. Тимур первым пришёл в себя, схватил с пульта пластиковый контейнер для проб и протянул инженеру.

— Клади сюда. Быстро.

— Он тёплый, — сказал Эмиль. — Не горячий, а именно тёплый. Как рука.

— Клади.

Эмиль опустил осколок в контейнер, и Тимур защёлкнул крышку. Звук не прекратился, только стал глуше. Огнев подошёл вплотную и заглянул в прозрачную стенку.

— Почему он светится?

— Не знаю, — ответил Эмиль. — Когда я отколол его от обшивки, он был тёмным. Засветился уже в шлюзе.

— Сколько прошло времени?

— Минут восемь.

— Пятый, — позвал командир, не оборачиваясь. — Ваши показания.

— Образец излучает в диапазоне от четырёх до одиннадцати килогерц, — ровно сказал робот. — Температура поверхности тридцать шесть и шесть десятых градуса. Радиоактивность в норме. Химический состав не соответствует ни одному сплаву в моей базе.

— Опасность?

— Не могу оценить. Данных недостаточно.

— Тогда оцените вероятность.

— Для оценки вероятности требуется модель. У меня нет модели.

— Хорошо, — Огнев помассировал переносицу. — Тогда скажите прямо: вы бы стали держать это внутри станции?

— Нет, командир.

— Почему?

— Потому что он реагирует на присутствие людей. Когда инженер Дорн приблизился к обшивке, частота кристаллизации выросла в два раза.

Эмиль поднял голову.

— Ты мне этого не говорил.

— Вы не спрашивали, — ответил Пятый.

— Я был там один на один с этой штукой, а ты молчал.

— Я докладывал командиру каждые пять минут. Вы слышали эфир.

— Слышал. Но там ты говорил «аномалия», а не «реагирует на людей».

— Формулировка уточнена после дополнительного анализа.

Мара едва заметно улыбнулась. Она заметила, что робот отвечает с той же интонацией, с какой чиновник читает регламент, и от этого его слова казались одновременно смешными и жутковатыми.

— Эмиль, покажи руки, — сказала она.

— Зачем?

— Покажи.

Он стянул перчатки. Пальцы его покраснели от холода, на правой ладони виднелась тонкая царапина, из которой выступила капля крови. Мара взяла его за запястье и повернула руку к свету.

— Ты порезался.

— О край осколка. Ерунда.

— Это не ерунда. Тимур, дай антисептик.

— Сейчас.

Тимур достал из аптечки на стене пакет с салфеткой. Мара обработала царапину, и Эмиль поморщился.

— Щиплет.

— Должно щипать. Ты ничего не чувствуешь странного? Покалывание, онемение?

— Нет.

— Слышишь что-нибудь?

— Только его, — Эмиль кивнул на контейнер. — Но он слышен всем.

— А голос?

— Нет. Голоса нет.

— Хорошо.

Она отпустила его руку и заклеила царапину пластырем. Огнев всё это время стоял над контейнером, засунув руки в карманы кителя, и смотрел на осколок, будто пытался выиг-

рать у него в гляделки.

— Командир, — сказал Тимур. — Я хочу сравнить звук образца с сигналом из космоса.

— Делайте.

— Нужно подключить контейнер к анализатору.

— Подключайте. Но контейнер не вскрывать.

— Понял.

Тимур выкатил из угла передвижную стойку с акустическим датчиком, приложил присоску к крышке и запустил программу. На экране побежали две кривые: синяя от осколка, красная от внешнего сигнала. Несколько секунд они шли порознь, потом Тимур что-то подкрутил, и линии легли друг на друга, как две половинки одного рисунка.

— Совпадение, — сказал он.

— Полное? — уточнил Огнев.

— Девяносто восемь процентов. Остальные два это шум.

— То есть осколок и объект передают одно и то же.

— Осколок не передаёт. Он принимает и повторяет. Видите, красная кривая опережает синюю на четыре миллисекунды. Это та же разница, что была между седьмым и девятым приёмниками.

— Ретранслятор, — произнесла Мара.

— Да. Обшивка станции превращается в сеть ретрансляторов. Каждый кусок металла, который кристаллизовался, становится маленькой антенной.

— Зачем им антенны здесь?

— Чтобы слышать нас без задержки.

Огнев резко повернулся.

— Что вы сказали?

— Командир, сигнал идёт сорок три астрономические единицы, это почти шесть часов света. Вести диалог с такой задержкой невозможно. А если на станции есть собственные приёмники, объект может слушать всё, что мы говорим, в реальном времени.

— Всё, что мы говорим.

— Теперь я в этом уверен.

В обсерватории наступила тишина. Мара невольно посмотрела на потолок, на стены, на гладкие панели, будто ждала, что в них откроются глаза. Ничего не открылось, только вентиляторы продолжали гудеть.

— Значит, наш разговор слышат, — тихо сказал Огнев.

— Возможно.

— Тогда говорим вслух только то, что можем позволить им услышать.

— А как иначе? — спросил Эмиль. — Мы же не можем молчать.

— Можем писать, — сказала Мара. — Бумага не кристаллизуется.

— У нас нет бумаги.

— У меня есть блокнот.

— Один блокнот на пять человек?

— На четверых и робота, — поправил Тимур.

— Я могу обходиться без записей, — вставил Пятый.

— Это радует, — сухо заметил Огнев. — Теперь давайте по порядку. Азаров, сколько вам нужно времени, чтобы заглушить внутренние приёмники в обшивке?

— Не знаю, смогу ли вообще. Их сотни. Они в каждой секции.

— А отключить питание?

— У них нет питания. Они работают от энергии самого сигнала.

— Значит, пока сигнал идёт, они живы.

— Да.

— А если сигнал прервать?

— Тогда они замолчат. Но прервать сигнал можно только одним способом.

— Каким?

— Уничтожить источник.

— Объект за сорок три единицы, — напомнил Эмиль. — У нас на станции нет ничего, что долетело бы до него.

— До него нет, — сказал Огнев. — А вот до той точки, где он будет через двадцать пять часов, возможно.

— Вы про ракеты?

— У станции есть шесть противометеоритных зарядов. Для защиты от крупных обломков.

— Они не предназначены для боя.

— Значит, придётся приспособить.

Мара отошла от пульта. Ей не нравилось, куда идёт разго-

вор. Она сделала несколько шагов по комнате, остановилась у контейнера и опустила взгляд на светящийся осколок.

— Командир, можно мне сказать?

— Говорите.

— Мы не знаем, что это. Не знаем, чего они хотят. Мы видим сигнал, видим кристаллы, видим объект, но ни разу не видели от них ни одного враждебного действия.

— Станция меняется без нашего согласия, — возразил Огнев.

— Меняется, но не разрушается. Обшивка стала прочнее.

— Это может быть подготовкой.

— К чему?

— К захвату.

— Или к защите, — сказала она. — Вдруг они пытаются нас укрепить?

— От кого?

— Не знаю. Но если мы выстрелим первыми, а потом окажется, что они шли с миром, это будет худшая ошибка в истории.

— А если они шли не с миром, а мы промолчим, это будет худшая ошибка в истории, — парировал Огнев.

— Командир, — тихо сказал Тимур. — Оба варианта плохи. Но второй можно исправить, пока он не случился.

— Что вы предлагаете?

— Выиграть время. Расшифровать сигнал, понять намерения. Двадцать пять часов это много.

— Мало, — отрезал Огнев. — Расшифровка языка занимает годы.

— У нас есть Пятый. Он обработает массив быстрее любого из нас.

— Я могу выделить на анализ сорок процентов вычислительной мощности, — подтвердил робот. — Остальное нужно для обеспечения безопасности станции.

— Сделайте это, — сказал Огнев. — Вельская, вы руководите. Пятый, выполняйте её запросы приоритетно.

— Принято.

— Командир, — Мара подняла глаза. — Спасибо.

— Не за что. Я дал вам шанс, а не разрешение. Если к утру не будет результатов, я перейду к варианту с зарядами.

— До утра?

— До шести ноль-ноль.

Она взглянула на часы на запястье. Было без десяти пять. Выходило чуть больше часа.

— Командир, этого не хватит.

— Тогда работайте быстрее.

Огнев ушёл в сторону пульта связи, давая понять, что разговор окончен. Мара вернулась на своё место. Пятый подошёл и встал рядом, не издавая ни звука, только красная полоса на его забрале отбрасывала на стол слабый красноватый блик.

— С чего начнём? — спросил он.

— С блоков, кратных двенадцати. Я выделила три. Нужно

найти остальные и сопоставить с тем, что говорит осколок.

— Загрузите данные.

Мара перекинула на его порт файлы. Через несколько секунд на экране вспыхнула сетка из сотен ячеек, каждая подсвечена своим оттенком.

— Что это? — спросила она.

— Карта повторяющихся структур. Ячейки одного цвета означают одинаковые блоки.

— И сколько цветов?

— Двенадцать.

— Опять двенадцать.

— Да. Предполагаю, что это система счисления. Двенадцатеричная.

— То есть они считают дюжинами.

— Скорее всего.

— Это хорошо. Значит, можно искать соответствие нашим числам.

— Уже ищу. Нужно время.

— Сколько?

— Двадцать минут.

Она кивнула и откинулась на спинку кресла. Рядом тихо сел Эмиль. Он молчал минуты три, потом спросил почти шёпотом:

— Мара, ты сама веришь, что они не враги?

— Я не знаю.

— Но ты спорила с командиром.

— Спорила, потому что кто-то должен был. Огнев слишком быстро решил, что опасность реальна. Когда человек так быстро решает, значит, он уже принимал такие решения раньше.

— На флоте?

— Наверное.

— Он не рассказывал?

— Никогда.

— А ты спрашивала?

— Один раз. Он ответил, что не любит вспоминать.

Эмиль поскрёб пластырь на ладони. Потом поднял голову и посмотрел на контейнер, стоявший на соседнем столе.

— Он громче стал, — сказал он.

— Что?

— Звук. Он громче, чем минуту назад.

Мара прислушалась. Действительно, тонкая нота в контейнере стала плотнее, с примесью низкого тембра, и от неё слегка дрожала поверхность пластика. Она встала и подошла ближе.

— Тимур.

— Вижу, — отозвался тот. — Амплитуда растёт. Он реагирует на что-то.

— На что?

— На вас.

— Что?

— Вы подошли, и он усилился. Отойдите.

Мара отступила на шаг. Звук упал. Она шагнула вперёд, и он снова поднялся, теперь с отчётливой модуляцией, как будто осколок пытался подстроиться под её голос.

— Командир, — позвал Тимур. — Подойдите сюда.

Огнев подошёл. Мара стояла неподвижно, а звук медленно менялся, сглаживаясь и складываясь в ритм, который она узнала. Три коротких. Два длинных. Пять.

— Это числа, — сказала она.

— Да, — подтвердил Тимур. — Но теперь он не повторяет, а спрашивает.

— Как ты определил?

— По интонации. Последний импульс идёт вверх. Это вопрос.

— Что он хочет узнать?

— Следующее число, — тихо сказал Огнев. — Он хочет, чтобы мы продолжили.

— Командир, это то, чего мы не должны делать.

— Знаю.

— Но он обращается именно к ней. Только когда она рядом.

— Вижу.

— Значит, он выбирает собеседника, — сказал Эмиль.

— Или уже выбрал, — добавил Пятый.

Мара посмотрела на робота. Красная полоса на его забрале не мигала, но ей показалось, что в этот момент он разглядывает её внимательнее обычного.

— Вельская, — сказал Огнев. — Не отвечайте.

— Я и не собираюсь.

— Ни звуком, ни словом, ни жестом.

— Понимаю.

— Вы можете не понимать, что именно ему нужно. Может быть, достаточно присутствия.

— Командир, а если я отойду, а он начнёт искать другого?

— Тогда найдёт Тимура или меня.

— Или Эмиля, — тихо произнёс инженер. — Он уже звал меня.

— Вот именно, — сказал Огнев. — Поэтому все должны держаться подальше от контейнера. Пятый, заберите его в изолятор, в медотсек, в камеру номер три. Герметичная, экранированная. Запереть на два замка.

— Принято.

Робот подошёл к столу, поднял контейнер двумя пальцами, будто яйцо, и повернулся к двери. В этот момент звук резко оборвался.

Все замерли. Пятый остановился на полушаге. В обсерватории стало так тихо, что Мара услышала собственное дыхание и тиканье часов.

— Что случилось? — шёпотом спросил Эмиль.

— Не знаю, — ответил Тимур. — Сигнал пропал.

— Какой? Только этот?

— Нет. Все. И внешний тоже.

Он повернулся к своему пульту. Экран был чист, ровная

серая полоса без единого всплеска. Тепловая карта показывала то же пятно, но теперь оно не двигалось.

— Объект остановился, — сказал Тимур.

— Остановился? — переспросил Огнев.

— Да. На расстоянии семи астрономических единиц. Полная неподвижность.

— И сигнал прекратился одновременно с осколком.

— Секунда в секунду.

— Значит, осколок не ретранслятор, — медленно произнесла Мара. — Он часть объекта. Это не копия, а продолжение.

— Или передатчик, — сказал Огнев. — Который выполнил задачу.

— Какую?

— Узнать, кто из нас готов отвечать.

Он замолчал. Мара посмотрела на свои руки, лежавшие на краю стола, и заметила, что они мелко дрожат. Она сцепила пальцы, чтобы скрыть дрожь, но Эмиль заметил и тихо подвинул к ней свою кружку с недопитым чаем.

— Выпей, — сказал он.

— Спасибо.

— Он остыл, но сладкий.

Она сделала глоток. Чай действительно оказался ледяным и приторным, но в горле стало теплее.

Из динамика над дверью прозвучал сигнал вызова, короткий и резкий, не похожий на обычный. Тимур вздрогнул.

— Это Центр? — спросил Огнев.

— Нет. Это внутренняя тревога. Сектор С.

— Какой сектор?

— Тот, где вы брали образец.

— Что там?

Тимур вывел картинку с камеры. На экране появился коридор, ярко освещённый, с рядами одинаковых дверей. Всё выглядело спокойно, пока Мара не заметила на стене что-то странное. Вдоль плинтуса, от пола до самого потолка, тянулась тонкая серебристая нить, и она медленно ползла вперёд, оставляя за собой кристаллическую дорожку.

— Она растёт, — сказал Эмиль. — Прямо сейчас.

— Пятый, — резко приказал Огнев. — Контейнер в изолятор, потом ко мне. Остальным оставаться здесь.

— Командир, — окликнула Мара. — Нить идёт к медотсеку.

— Откуда вы знаете?

— Она движется в сторону, куда ведут коридоры. Ей нужен путь к осколку.

Огнев выругался сквозь зубы. Пятый уже стоял у двери с контейнером в руке. Красная полоса на его забрале вспыхнула ярче, и он произнёс спокойно, без всякой интонации:

— Командир, рекомендую уничтожить образец.

Глава 5. Нить

— Нет, — сказала Мара.

Она сказала это раньше, чем успела подумать, и сама удивилась твёрдости собственного голоса. Все повернулись к ней. Пятый стоял у двери с контейнером в вытянутой руке, и красная полоса на его забрале не дрогнула.

— Обоснуйте, — потребовал Огнев.

— Если мы уничтожим осколок, мы потеряем единственный образец. Единственное, что можно изучать.

— Единственное, что тянет к нам нить.

— Нить тянется к осколку, а не к нам. Значит, он нужен им целым.

— Это довод в пользу уничтожения, — заметил Огнев.

— Это довод в пользу того, чтобы понять, зачем.

— Командир, — вмешался Тимур, не отрываясь от экрана. — Нить ускорилась. Была десять сантиметров в минуту, стала сорок.

— Куда она идёт?

— Развилка в конце сектора. Налево медотсек, направо оранжерея. Пока прямо.

— Сколько до развилки?

— Метров тридцать. Минут семьдесят пять при такой скорости.

— Это много, — сказал Эмиль.

— Это немного, если скорость продолжит расти, — возразил Тимур.

Огнев прошёлся по обсерватории, остановился у стены с картой станции и провёл пальцем вдоль коридора сектора С. Палец его двигался медленно, будто он считал шаги.

— Пятый, — сказал он. — Нить можно остановить физически?

— Вероятно. Кристаллическая структура хрупкая при ударе. Нужен излучатель или термический резак.

— Не заденет ли это станцию?

— Обшивка уже усилена. Локальный нагрев в коридоре безопасен.

— Тогда идём к нити. Втроём: я, вы и Дорн. Азаров и Вельская остаются здесь и работают с сигналом.

— Командир, — сказала Мара. — Можно мне с вами?

— Нет.

— Нить реагировала на меня. Осколок реагировал на меня. Если что-то пойдёт не так, я смогу...

— Что вы сможете?

— Не знаю. Но я единственная, кого они выбрали.

— Именно поэтому вы остаётесь, — сказал Огнев. — Если они выбрали вас, я не стану выводить вас под удар.

— Командир, это нелогично. Вы же сами говорили, что нужно понять намерения.

— Я говорил про расшифровку, а не про прогулки с кристаллами. Вы остаётесь, это приказ.

Мара открыла рот, но поймала взгляд Тимура и закрыла. Тимур едва заметно покачал головой. Она села обратно, сжав подлокотники так, что побелели пальцы.

Огнев взял из шкафа два термических резака, один протянул Эмилю. Инженер принял его неуверенно, повертел в руках и спросил:

— Я никогда таким не пользовался.

— Нажимаешь здесь, держишь на расстоянии вытянутой руки, — показал Огнев. — Не направляй на людей.

— А на роботов?

— Тоже не стоит, — вставил Пятый. — Я чувствителен к перегреву.

— Шутка?

— Нет. Реальное ограничение.

Эмиль хмыкнул и пристегнул резак к поясу. Они вышли втроём, и дверь закрылась за ними мягко, почти беззвучно. Мара и Тимур остались одни.

Минуту никто не говорил. Потом Тимур откашлялся.

— Мара, ты злишься.

— Нет.

— Злишься.

— Ладно, злюсь. Огнев решает за всех, а потом удивляется, что его не слушают.

— Он старается нас защитить.

— Он старается всё контролировать. Это не одно и то же.

— Мара, у него дочь.

Она подняла голову.

— Что?

— У командира дочь. Она на Земле, учится в университете. Он показывал мне фотографию, когда мы пили кофе в прошлом году.

— Он никогда не говорил.

— Он не говорит о том, что ему дорого. Боится потерять.

— Откуда ты знаешь?

— Я тоже так делаю.

Он невесело усмехнулся и вернулся к экрану. Мара смотрела на его профиль, на седую щетину, на тёмные круги под глазами и вдруг поняла, что никогда по-настоящему не интересовалась тем, что у него внутри.

— Тимур, а у тебя кто остался на Земле?

— Сестра. Старшая. И её муж.

— Вы близки?

— Мы не разговаривали два года.

— Почему?

— Поссорились из-за наследства. Глупая история.

— Хочешь рассказать?

— Нет. Лучше работай.

— Хорошо.

Она вернулась к расшифровке. Пятый оставил ей доступ к своему процессору, и теперь данные обрабатывались вдвое быстрее. Двенадцать цветов на карте разделились на подгруппы, потом на ещё более мелкие, и вскоре Мара увидела

то, чего не замечала раньше: некоторые блоки повторялись зеркально, как слова-палиндромы.

— Тимур, смотри, — позвала она. — Эти блоки идут парами. Один и обратный ему.

— Утверждение и отрицание?

— Или вопрос и ответ. Или «да» и «нет».

— Попробуй сопоставить с последовательностью, которую осколок издавал при тебе.

— Пробую. — Она набрала команду. — Есть. Последний блок, тот, что шёл вверх, зеркален блоку из самого первого сигнала.

— То есть он спрашивал то же самое, что в начале?

— Да. Один и тот же вопрос.

— Какой?

— Не знаю. Но если расшифровать пару, получится слово.

— Слово. — Тимур повернулся. — Мара, ты понимаешь, что мы можем прочитать первое слово чужого языка?

— Понимаю.

— И?

— И мне страшно.

— Мне тоже. Давай читать.

Она запустила сопоставление. Экран замигал, строки поползли вверх, и наконец в центре появилась единственная пометка: один блок, обведённый красным, и рядом цифра двенадцать.

— Это число, — сказала Мара. — Он спрашивал число

двенадцать.

— Не спрашивал, — поправил Тимур. — Утверждал и ждал подтверждения. Двенадцать узлов. Двенадцать приёмников. Двенадцать цветов.

— Он хочет, чтобы мы подтвердили, что мы тоже считаем в дюжинах.

— Но мы не считаем в дюжинах.

— Именно. И он хочет узнать, почему.

— Или проверяет, не врём ли мы.

— Проверяет что?

— Что мы разумные.

Мара встала и прошлась вдоль пульта. Она остановилась у иллюминатора и посмотрела на звёзды. Где-то там, на расстоянии семи астрономических единиц, неподвижно висел чужой корабль.

— Тимур, а если он не враг? — спросила она.

— Тогда мы зря боимся.

— А если враг?

— Тогда мы правильно боимся.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Динамик на стене щёлкнул. Раздался голос Огнева, напряжённый и сдавленный:

— Обсерватория, мы у развилки. Нить разделилась. Одна ветка идёт к медотсеку, вторая к оранжерее.

— Командир, режьте обе, — сказал Тимур.

— Режем. Пятый, начинай с левой.

Послышался глухой треск, потом свист резака. Эмиль что-то выкрикнул, но слов было не разобрать. Мара подалась к динамику.

— Командир, что там?

— Нить сопротивляется. Когда резак касается кристаллов, они светятся и... — Огнев закашлялся. — И воздух пахнет озоном.

— Это нормально?

— Не знаю. Пятый, показатели.

— Температура в коридоре растёт, — доложил робот. — Плюс шесть градусов за две минуты. Нить поглощает тепловую энергию резака.

— Что значит поглощает?

— Использует для роста. Каждый удар ускоряет её.

— Прекратить, — резко сказал Огнев. — Резаки выключить. Эмиль, отойди назад.

— Я и так...

— Назад, говорю!

Раздался шорох, потом тяжёлый удар. Мара вздрогнула. В динамике на секунду воцарилась тишина.

— Командир? — позвала она.

— Всё в порядке. Дорн споткнулся.

— Я не споткнулся, — донёсся голос Эмиля. — Меня толкнуло.

— Что толкнуло?

— Стена. Она дрогнула.

— Это вибрация, — сказал Тимур Маре вполголоса. — Станция настраивается.

— Командир, возвращайтесь, — сказала она в динамик. — Режущий метод не работает. Нить питается теплом.

— Тогда как её остановить?

— Холодом.

— У нас нет криогенной установки.

— У нас есть жидкий азот в лаборатории. Для хранения образцов.

— Сколько?

— Двести литров.

— Хватит?

— Не знаю. Но можно попробовать.

— Пятый, слышал?

— Да, командир. Предлагаю сходить за ёмкостями. Время туда и обратно двенадцать минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.